

© 2011 г.

М.Ю. МЯГКОВ

ГРОЗНОЕ ЛЕТО 1941 года

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной силы: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей, всего до 5 млн. чел. В первом эшелоне действовали 153 дивизии и 19 бригад противника (4,4 млн. чел.)¹. На решающих направлениях своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах². Началась Великая Отечественная война против фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей.

В 1189 г. германский император Фридрих Барбаросса отправился в третий крестовый поход на Восток для освобождения Иерусалима от войск египетского султана Саладина. Теперь, спустя 750 лет Гитлер, фюрер Третьего рейха, вдохновленный историческим прецедентом, решил назвать план нападения на Советский Союз именем этого монарха. Очевидно, в его воспаленном воображении бронированные танковые колонны вермахта, сокрушающие большевизм в молниеносной войне, представлялись наследниками рыцарей, шедших освобождать от “неверных” Святую землю. Гитлера не смущало даже то обстоятельство, что сам Барбаросса погиб, не дойдя до конечной цели.

Летом – осенью 1941 г. считавшиеся непобедимыми немецкие войска, имевшие в своем составе четыре танковые группы, поддерживаемые эффективными действиями авиации, в короткое время преодолели огромные расстояния и оказались на ближних подступах к Москве, Ленинграду и Ростову-на-Дону. Казалось, план “Барбаросса” близок к завершению.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила особый характер. Германский нацизм стремился не только захватить его территорию, но и уничтожить социалистический строй, разобщить народы страны, истребить одну часть

Мягков Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.

История приграничных сражений 1941 г. по-прежнему привлекает внимание исследователей. За последние годы вышло немало книг на эту тему. Отметим из них следующие: *Солонин М.С.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2008; *Исаев А.В., Дробкин А.В.* 22 июня. Черный день календаря. М., 2008; *Исаев А.В.* Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М., 2010; *Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К.* Июнь. 1941. Запрограммированное поражение. М., 2010. Из изданий источников укажем недавнюю публикацию, где содержится немало документов, посвященных приграничным сражениям лета 1941 г.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война. 1941–1945. М., 2010, с. 22–69. Несмотря на разные акценты при рассмотрении причин поражений Красной Армии летом 1941 г., упомянутые авторы признают величие подвига советского солдата, который при всех трудностях сумел сорвать блицкриг и спасти страну от порабощения.

¹ *Киселёв О.Г.* Приграничные сражения 1941 г. – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2005, с. 438–439.

² Там же.

населения и онемечить другую, сделать из бывшего Советского Союза свой сырьевой придаток, создав здесь немецкие колонии.

Планом “Барбаросса” (Директива № 21 от 18 декабря 1940 г.) предусматривалось внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью расколоть, окружить и уничтожить главные силы Красной Армии в западной части СССР, последующее стремительное продвижение в глубь страны и выход на линию Архангельск – Куйбышев – Астрахань. Ликвидация в приграничных сражениях главных сил Красной Армии довоенного состава должна была произойти еще до того, как к западу начнут подтягиваться резервы и мобилизованное пополнение. Намечалось продвижение в глубь советской территории до 1750 км на фронте 1800 км, т.е. на театре, приблизительно равном всей Западной Европе. План молниеносной войны – “блицкрига” – по мнению Гитлера и его генералов, занимавшихся разработкой операции, должен был привести к быстрой победе. На этом и строился главный расчет германского командования.

В конце 1940 г., обсуждая с военными директиву № 21, Гитлер подчеркивал, что в сравнении с уничтожением советских войск захват Москвы не имеет большого значения³. Им мыслилось, что одновременно с военным поражением Красной Армии в СССР наступит и политический хаос, повторится ситуация, напоминающая коллапс русской армии в 1917–1918 гг. Развал фронта, в свою очередь, автоматически решит судьбу советской столицы, а с нею и всей войны. Это было явной недооценкой сил и возможностей советского режима по мобилизации человеческих и материальных ресурсов страны, способностей восполнять огромные потери своих соединений. Лишь позднее, к осени 1941 г., когда сопротивление РККА так и не было сломлено, немецкое командование стало относиться к Москве как ключевому пункту, захват которого решит исход всей кампании.

Перед началом вторжения в СССР группа армий “Север” (командующий генерал-фельдмаршал В. Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии, получила задачу при поддержке 1-го воздушного флота разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз.

Группа армий “Центр” под руководством генерал-фельдмаршала Ф. Бока, сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) должна была при поддержке 2-го воздушного флота рассечь фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву.

На киевском направлении была развернута группа армий “Юг” генерал-фельдмаршала Г. Рундштедта, включавшая 6-ю, 17-ю, 11-ю полевые немецкие, 3-ю и 4-ю румынские Армии, 1-ю танковую группу и венгерский корпус (всего 57 дивизий и 13 бригад). Ей предстояло при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток.

На территории Норвегии и Финляндии были развернуты немецкая армия “Норвегия” и две финские армии – всего 21 дивизия и 3 бригады при поддержке 5-го немецкого воздушного флота и финской авиации. Армия “Норвегия” должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска – содействовать группе армий “Север” в захвате Ленинграда⁴.

Германское командование рассчитывало также на то, что недостаток в СССР хороших шоссейных и железных дорог, проходящих вдоль его западной границы или ведущих на восток, затруднит Красной Армии перегруппировку на фронте и отход из намечавшихся

³ Halder F. The Halder War Diary 1939–1942. California 1988, p. 294.

⁴ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005, с. 52–53.

котлов. С другой стороны, германская разведка переоценила масштабы концентрации советских войск вблизи границы, имела слабое представление о резервных армиях к востоку от Днепра и Западной Двины. По завершении приграничных сражений план “Барбаросса” предусматривал наступление германских групп армий по расходящимся направлениям. Таким образом в плане войны с СССР было заложено опасное распыление сил вермахта в попытке выполнить одновременно сразу все задачи, поставленные Гитлером⁵.

Но германская военная машина имела все шансы на быстрый и решительный успех. В отличие от советских командиров, чья инициатива слишком часто сковывалась вышестоящим руководством, германские офицеры действовали на тот период решительно, имея четкое представление о намерениях своего командования и реакции на свои приказы подчиненных частей. Опыт войны в Европе, применение на практике массированного наступления танковых объединений создавали уверенность в новых победах. Недостаток механизированных средств передвижения для пехоты и артиллерии вермахта компенсировался превосходной слаженностью частей и подразделений, их тактической подготовкой, а также отсутствием необходимого количества транспорта у самого противника. Танковые войска составляли основную ударную силу сухопутных войск. Танковая дивизия в 1941 г. по штату состояла из двух-трех танковых батальонов (от 150 до 202 танков в дивизии), пяти пехотных, трех артиллерийских, нескольких инженерных, разведывательных и других вспомогательных батальонов, всего – 17 тыс. чел. На практике, однако, число танков и людей в дивизии было меньшим⁶. Пехотная дивизия в количестве 15 тыс. чел. имела в своем составе три пехотных полка, которые усиливались значительным числом артиллерийских частей, имевших на вооружении не только 37-мм, но и 100 и 105-мм орудия для борьбы с пехотой и танками противника.

Особенно значительную роль в германском наступлении играла авиация. Для удара по СССР немецкое командование сосредоточило 2700 самолетов люфтваффе, или 65% ВВС первой линии. Для того чтобы избежать преждевременного раскрытия авиационной группировки на Востоке, большая часть ударной авиации оставалась до последних дней перед началом операции “Барбароссы” на Западе, как бы демонстрируя намерение вермахта продолжать подготовку к высадке на Британские острова⁷. В целом люфтваффе, далеко отставая от ВВС Красной Армии в количественном отношении, качественно превосходило их. Основной парк ВВС РККА составляли устаревшие и изношенные самолеты, а большинство “сталинских соколов” не могли тягаться ни по опыту, ни по навыкам летного дела с германскими пилотами. Истребители Ме-109, бомбардировщики Ю-87 и Ю-88, другие немецкие машины имели все шансы сразу завоевать господство в воздухе и в последующем тесным образом взаимодействовать с наступающими сухопутными частями. Организационный механизм полевых и авиационных командиров был налажен и апробирован еще в период предыдущих кампаний. Однако и в германской авиации к июню 1941 г. возникли серьезные проблемы: отсутствие в необходимом количестве дальней бомбардировочной авиации, что предусматривало преимущественно тактический характер поддержки наступательных операций непосредственно во фронтовой зоне, моральное и техническое устаревание ряда основных марок немецких самолетов (того же Ю-87, До-17 и др.), что требовало немалых затрат на модернизацию самолетного парка, большие потери в период “битвы за Британию”, и, что особенно важно, – удаление в процессе продвижения на восток от своих хорошо оборудованных баз и неизбежное распыление сил на огромном театре военных действий.

Одной из основных германских проблем в предстоящей войне на Востоке были проблемы территории и транспорта. И многие военачальники вермахта хорошо осознавали это. Но и они, равно как и Гитлер, рассчитывали на скоротечную кампанию, первым и главным этапом которой будет уничтожение основной мощи советских вооруженных сил в приграничных сражениях. И такой шанс у германского командования имелся.

⁵ Glantz D. Barbarossa: Hitler's Invasion of Russia 1941. Charleston, 2001, p. 15.

⁶ Ibid., p. 20.

⁷ Ibid., p. 21.

В пяти советских приграничных округах (Ленинградский, Прибалтийский Особый, Западный Особый, Киевский Особый и Одесский) к началу войны находилось 186 дивизий, насчитывавших в общей сложности 3 млн. чел., 39 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и 9,1 тыс. самолетов⁸. Из них танков новых типов (КВ и Т-34) – 1475, боевых самолетов новых типов – 1540, хотя общее превосходство в количестве танков и самолетов было у советской стороны⁹. По мобилизационному плану, подготовленному в начале 1941 г., в приграничных округах, которые представляли собой первый стратегический эшелон советской обороны, намечалось сосредоточить 237 дивизий из общего числа 303¹⁰, тогда как 57 дивизий (второй стратегический эшелон, находящийся под контролем Ставки) сконцентрировать по рекам Днепр и Западная Двина для развития контрнаступления, которое должны были начать передовые соединения. Западные приграничные округа, в свою очередь, составляли три оперативных эшелона: у самой границы – войска прикрытия и два последующих эшелона (на расстоянии от 50 до 400 км от границы) для нанесения контрударов по врагу¹¹. Однако мобилизационные трудности и недостаток времени не позволили полностью развернуть такое количество сил. К началу войны на территорию восточнее рек Днепр и Западная Двина еще только прибывали советские соединения из тыловых районов страны. Ситуация осложнялась и тем, что второй и третий эшелоны приграничных округов были растянуты в глубину советской территории, не занимали основными силами укрепленных районов, и поэтому с началом войны по необходимости вступали в сражения с ходу, по частям, порой в походных колоннах.

По сути, большинство советских танковых и механизированных дивизий, объединенных в составе 20 мехкорпусов, являлись боееспособными единицами лишь на бумаге. В необходимых количествах в частях отсутствовали средства связи, что крайне отрицательно сказалось на управлении войсками. Эти обстоятельства позволили противнику обходить, окружать и бить советские дивизии поодиночке, легко создавая на важных участках значительное численное превосходство. Основная масса советских войск, в отличие от немецких, не была приведена в боевую готовность. Средств для быстрого выдвижения на рубежи обороны имелось совершенно недостаточно, даже в механизированных дивизиях остро не хватало автомобилей и тягачей.

Кроме сил, расположенных в западной части СССР, значительное число советских дивизий находилось во внутренних округах, что противнику выяснить полностью не удалось. Это, наряду с большим мобилизационным потенциалом советских вооруженных сил являлось существенным плюсом Красной Армии в случае затяжной войны на истощение. Однако, несмотря на свои внушительные размеры, советские войска морально и институционально не были полностью готовы к той войне, которую намеревался вести Гитлер. В первую очередь следует отметить, что РККА находилась на этапе своей гигантской реорганизации. Возникали новые механизированные и стрелковые корпуса, шел процесс переобучения личного состава на новую технику и освоения приемов боя, исходя из опыта польской и финской кампаний, строились аэродромы и укрепления, осваивался выпуск последних образцов танков и самолетов. Но весь этот процесс только начался. Германия начала агрессию в переломный (“неподходящий”) момент перестройки в советских войсках. Хуже всего было то, что накануне войны ни верховное руководство в Москве, ни командование приграничных округов не нашли правильного ответа на кардинальный вопрос, касающийся характера ведения будущей войны. Так, не были продуманы все последствия выступления Германии и ее союзников против СССР с полностью развернутыми главными силами. К тому же не было ясности в таком вопросе, каким образом совместить оборонительную стратегию с оперативной концепцией

⁸ Киселёв О.Г. Указ. соч., с. 439.

⁹ Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржевский О.А. Указ. соч., с. 53.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки, кн. 1. М., 1998, с. 95.

¹¹ Там же, с. 108–109; Glantz D. Op. cit., p. 16.

ведения последовательных наступательных операций (“глубокая операция” – по штабной терминологии 1930-х годов). В итоге врага собирались остановить и обескровить у самой границы, а затем с подходом резервов развить контрнаступление в глубь территории противника. Пагубность такого взгляда на начало будущей войны, которое позволяло врагу бить советские соединения по частям, до 22 июня 1941 г. осознана не была.

Важнейшей причиной поражений Красной Армии на начальном этапе войны стала неготовность советских командиров старшего и среднего звена встретиться с таким искусственным и опытным противником, каким являлся вермахт. Репрессии 1930-х годов подорвали не только организационную основу войсковых соединений, но и моральную составляющую управления личным составом. Офицеры, число которых по мере нарастания военной угрозы всё более увеличивалось, просто боялись принять ответственное и самостоятельное решение, не согласованное с вышестоящей инстанцией. В результате, в боевой ситуации возникали коллизии, прямо противоположные ситуации в вермахте. Там командир понимал свою роль в бою, знал свой маневр и имел представление об общей ситуации на фронте, здесь в большинстве своем новоиспеченный военачальник РККА сомневался в своих способностях, терялся в оценке обстановки и, в конце концов, проигрывал единоборство с противником. Исключения из этого правила, безусловно, были – Брест, Лиепая, Дубно, но они лишь подтверждали горькую правду начала войны. К такому “блицкригу”, который обрушился на страну, армия была не готова.

Более того, советская армия готовилась к войне маневренной, к столкновению крупных механизированных соединений. Намечалось формирование 20 механизированных корпусов, каждый из которых имел бы две танковых и одну механизированную дивизии (более тысячи танков в каждом корпусе). Но аналога танковых групп вермахта в РККА так и не было создано. Управлять крупными танковыми соединениями никто толком не умел. Хуже того, неграмотное использование устаревших и требовавших ремонта танков вело лишь к громадным потерям. В результате – быстрое поражение механизированных корпусов и вынужденная организационная перестройка соединений – отказ от корпусной системы, замена танковых дивизий на более легкие танковые бригады. По крайней мере, на этом уровне являлись командиры (хотя и не сразу), бравшие на себя ответственность учиться маневренному бою. Теорию глубокого боя, наступления крупными соединениями до поры пришлось отложить. Но только до поры.

Обучение пехоты, казалось, приняло лучший вид после финской войны. Но и здесь сказалась институциональная слабость вооруженных сил. Стойкость и мужество советского бойца нивелировались отсутствием четкого управления частями, плотной поддержки стрелковых соединений артиллерией, танками, авиацией. Нехваткой в подразделениях автоматического оружия. Паника – обычное явление первых дней войны – следствие плохого обучения личного состава в 1930-е годы, милиционной системы службы, когда до двух третей потенциальных резервистов оставались за пределами мест прохождения воинской службы, а служившие в РККА более занимались народным хозяйством, чем военными учениями. Следствие этого – потеря к концу 1941 г. практически всей кадровой армии мирного времени и вынужденная мобилизация на фронт миллионов простых крестьян – колхозников, многим из которых приходилось объяснять, с какой стороны нужно заряжать винтовку.

“Красные соколы” – гордость Советского Союза в предвоенные годы – могли заставить замолчать даже самых критических скептиков. Полеты пилотов-героев по периметру всей страны, через Северный Ледовитый океан, отважные асы, получившие опыт в боях с японцами, в небе Испании, в финской кампании, 19 тыс. самолетов, из которых более 7 тыс. располагались в приграничных округах – таким являлся задел советских ВВС перед войной. Но те же самые самолеты, которые громили японцев в небе над Халхин-Голом в 1939 г., к 1941 г. уже морально устарели, требовали ремонта, на новые же самолеты типа МиГ-3, Як-1, Ил-2 просто не хватало обученных пилотов. Моторы боевых машин новых образцов были не долговечны, нуждались в скорой замене, необходимого количества аэродромов, где возможно было бы рассредоточить истребители и бомбардировщики, не имелось, неудивительно поэтому, что Военно-воздушные силы

РККА потеряли в первый же день войны более 1200 самолетов, из них около 800 только в Западном особом округе.

Первые месяцы войны были наиболее тяжелыми для Красной Армии, для всей страны. Западные границы прикрывали войска следующих фронтов, преобразованных 22–25 июня 1941 г. из военных округов: Северного (командующий генерал-лейтенант М.М. Попов), Северо-Западного (командующий генерал-полковник Ф.И. Кузнецов), Западного (командующий генерал армии Д.Г. Павлов), Юго-Западного (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос) и Южного (командующий генерал армии И.В. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий контр-адмирал А.Г. Головкин), Балтийский (командующий вице-адмирал В.Ф. Трибуц) и Черноморский (командующий вице-адмирал Ф.С. Октябрьский)¹².

22 июня 1941 г. первыми приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота. Сопrotивляясь превосходящим силам врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Немецкие войска вступали в бой полностью развернутыми, тогда как многие советские соединения продвигались к фронту в походных колоннах. Это давало германскому командованию возможность уничтожать противника по частям. Видимо памятуя о своих предупреждениях накануне войны, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков выделил в оперсводке № 1, выпущенной всего шесть часов спустя после начала агрессии, факт упреждения врагом наших войск в развертывании. В документе, в частности, констатировалось:

“В 4.00 22.06.1941 г. немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками...”

1. Северный фронт: противник звеном самолетов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в р-н Ленинграда и Кронштадта...

2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шяуляй... Наземные войска противника перешли в наступление – ведут удар в двух направлениях – основной из района Пиллаллен, Сувалки, Гольдан силами – 4 пд и 500 танков в направлении Олита и обеспечивающий главную группировку удара из района Тильзит на Таураге, Юрбаркас силами до 3–4 пехотных дивизий с не выясненной группой танков. В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбаркас...

3. Западный фронт. В 4.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь... Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынка и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд¹³ в южном направлении. В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник, очевидно, стремится охватить Северо-Западную группировку фронта. Командующий фронта намеренает контрудар в направлении Голынка для уничтожения прорвавшегося противника...

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Воыньск¹⁴... В 4.35 после артогня по району Владимир Воыньск и Любомль наземные войска противника перешли границу, развивая удар в направлении Владимир Воыньск, Любомль и Крыстипороль. В 5.20 в районе Черновице у Карнешти противник также начал наступление... В результате действия наземных войск противник занял,

¹² Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Указ. соч., с. 53.

¹³ Стрелковая дивизия; пд – пехотная дивизия.

¹⁴ Так в тексте. Речь идет (см. также ниже) о Владимире-Воыньском.

по непроверенным данным, Пархач и Высоцко... В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы. На Румынском участке в воздушных боях над Кишинёвом и Бельцами сбито 2 самолета противника... Наземные войска противника на фронте Липканы – Рени пытались форсировать реку Прут, но были отбиты. По непроверенным данным противник в районе Каргал высадил десант через Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника”.

Далее следовала фраза, написанная, несомненно, под диктовку Жукова: “Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частного успеха”. Подпись – начальника Генерального штаба¹⁵.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Особенно тяжелое положение сложилось в полосе Западного фронта. Против него была развернута наиболее мощная вражеская группировка – группа армий (ГА) “Центр” фельдмаршала Ф. Бока, сосредоточившая для первого удара (пока без 3-й танковой группы, действовавшей до 25 июня в полосе ГА “Север”) 634,9 тыс. чел., 12,5 тыс. орудий и минометов калибром свыше 50 мм, 810 танков и 1677 самолетов¹⁶. В дальнейшем, в наступление на западном направлении кроме 3-й танковой группы была введена 2-я полевая армия вермахта.

Западный Особый военный округ (с началом войны – Западный фронт) включал 3-ю, 4-ю, 10-ю и 13-ю армии, 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, а также 17-й и 20-й механизированные корпуса. Армии округа насчитывали в общей сложности 678 тыс. чел., 10 296 орудий и минометов калибром свыше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов¹⁷.

Окружение основных сил Западного фронта летом 1941 г. можно поставить в один ряд с наибольшими трагедиями русского оружия за всю историю его существования. С этой точки зрения разгром Западного фронта – одна из черных страниц военной истории России, как и битва на р. Калке 1223 г., поражение под Нарвой в 1700 г. или окружение армии Самсонова в Восточной Пруссии в 1914 г. Несомненно, ответственность за катастрофу на Западном фронте во многом лежит на Сталине и его ближайшем окружении, которые назначили недостаточно компетентных руководителей¹⁸ и к тому же сковывали их инициативу даже тогда, когда она была вполне уместной. Об этом много писали, и в целом тут спорить не приходится. Однако нельзя снимать долю ответственности и с фронтового командования. Рассмотрим ситуацию более подробно¹⁹.

Всего около 800 тыс. чел. (из намеченных в случае полной мобилизации 5 млн. чел.) пополнили в мае – июне 1941 г. дивизии западных округов и соединения, расположенные к востоку от линии Днепр – Западная Двина. 12 июня нарком обороны маршал С.К. Тимошенко отдал приказ о выдвижении к границе стрелковых дивизий, расположенных в тыловых районах приграничных округов. Однако из-за нехватки автотранспорта они передвигались к границе крайне медленно. Постановлением политбюро от

¹⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), ф. 229, оп. 161, д. 148, л. 5–12.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 гг., кн. 1, с. 136.

¹⁷ Там же.

¹⁸ По мнению А.М. Соколова, поражение Западного фронта – не вина, а беда Д.Г. Павлова, всего пять лет назад командовавшего лишь танковой бригадой (Великая Отечественная война 1941–1945, кн. 1, с. 145).

¹⁹ См. также: *Пальчиков П.А., Гончаров А.А.* Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д. Г. Павловым. – Новая и новейшая история, 1992, № 5, с. 114–135.

21 июня 1941 г., армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на линию Днепр – Западная Двина, объединялись в группу резерва Главного Командования (19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии).

Командующие округами были персонально предупреждены Жуковым и Тимошенко (по указанию Сталина) как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации. 11 июня 1941 г. они получили указание Генштаба полосу предполья без особого указания не занимать. Любые меры, которые могли бы быть истолкованы командованием вермахта как приведение советских войск в полную боевую готовность, строжайше пресекались Кремлем. Результат известен – развернутым и приведенным в полную боевую готовность войскам вермахта противостояла на западе хотя и большая по численности танков и самолетов, но не боеготовая, находившаяся на стадии формирования и не имевшая плана глубокой оборонительной операции советская трехмиллионная группировка. Оборона представлялась советскому командованию как кратковременная фаза начального периода боевых действий, предвещающая переход основных сил западных округов (фронтов) в контрнаступление против агрессора.

Сведения о развертывании по ту сторону границы наступательной группировки вермахта стали поступать в штаб ЗапОВО еще заблаговременно, с начала 1941 г. 4 июня начальник разведотдела штаба округа полковник С.В. Блохин представил генералу армии Д.Г. Павлову спецсообщение “О подготовке Германией войны против СССР”. В нем говорилось об интенсификации немецких приготовлений к агрессии. Как отмечалось, во второй половине мая немцы усилили свою группировку на 2–3 пехотных, 2 бронетанковых дивизии и дивизию СС. На границе было замечено развертывание средств ПВО и ПТО²⁰. Агентурными данными была установлена также разгрузка немцами большого количества железнодорожных составов с авиабомбами, порохом, прибытие на аэродромы крупных соединений авиации. Передвижение местного населения в пограничной полосе, как подчеркивалось, было сведено к минимуму, а из многих районов оно выселено в “глубинные районы”. Все гражданские лечебные заведения в крупных городах и поселках “Генерал-губернаторства” занимались под госпитали. Разведка доносила о том, что “заканчивается скрытая мобилизация чиновников на будущие должности в западных районах СССР... Эти чиновники во всем предупреждены и ждут только начала военных действий... В чешской Праге функционируют курсы парашютистов, на которые мобилизованы члены белорусского комитета из Варшавы. В начале боевых действий они будут забрасываться в тылы советской Белоруссии для выполнения диверсионных задач...”

Обращал на себя внимание следующий пункт спецсообщения: “О том, что возможность начала военных действий немцами против СССР не исключается в июне месяце, свидетельствуют следующий факт: по сведениям, требующим проверки, 24 мая 1941 года филиал германской разведки в г. Цеханов выслал на территорию СССР пять агентов с установкой – вернуться не позже 5 июня 1941 г. Один из агентов сказал, что к этому сроку из Белостока и Гродно он возвратиться не успеет. Майор – начальник разведпункта на это ответил: после 5 июня возможно начало военных действий с СССР, поэтому он не может вне этих сроков гарантировать жизнь агента; поэтому посещение Белостока и Гродно ему исключили...” Все агенты получили кроме всего прочего следующие задачи: установить процент бывших царских офицеров, находящихся в Красной Армии, и настроение населения, живущего в приграничных районах. Агентурные данные подтверждали, что “польское население, по опыту подготовки войны Германии с Польшей в 1939 году и германские солдаты по существующему опыту ведения войны – также считают неизбежным начало военных действий с СССР в ближайшее время”. Вывод начальника разведотдела ЗапОВО гласил: “Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО – заслуживают доверия”²¹.

²⁰ ПТО – противотанковая оборона.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 127, оп. 12915, д. 16, л. 307–314.

Какова же была реакция на эти ценнейшие разведанные штаба Западного округа? Понятно, что Кремль и Генштаб были проинформированы. Но как реагировал на детальную информацию о германских приготовлениях к войне сам Павлов? На этот вопрос нам помогают ответить материалы, подготовленные уже после войны, когда начали пересматриваться с целью реабилитации дела на генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.А. Коробкова и др. – приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за поражение Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Ряд офицеров, выживших в тех боях, подготовили в 1956 г. записки для заместителя начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерала армии В.В. Курасова.

Вот что писал, например, о действиях Павлова бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б.А. Фомин.

“Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с ДЗОТ’ами. Что же касается УР’ов, то они к началу войны не были построены и вооружены. Тщательно следя за дислокацией войск противника, Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед Наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... Однако к началу войны 113, 121, 143 и 50-я стрелковые дивизии в намечаемые ими районы не успели выйти и война их застала в походе... Подводимые из глубины шесть дивизий в район Беловежская Пуща, р. Щара от впадения ее в Неман до Брестского шоссе должны были наращивать глубину обороны, но, к сожалению, ход военных действий, а главное темп продвижения противника не позволил полностью осуществить этот план.

О подготовке немцами внезапного нападения Павлов знал (курсив наш. – М.М.) и просил занять полевые укрепления вдоль госграницы. 20 июня 1941 г. шифрограммой за подписью зам. начальника оперативного управления Генштаба Василевского, Павлову было сообщено, что просьба его доложена Наркому и последний не разрешил занимать полевых укреплений, так как это может вызвать провокацию со стороны немцев. 19 июня была получена шифрограмма из Генштаба штабу округа развернуть КП штаба фронта в Обуз-Лесна с готовностью вечер 22 июня”.

В действиях Павлова, как в предвоенный период, так и во время ведения тяжелой оборонительной операции, генерал Б. А. Фомин не усматривал ни вредительства, ни тем более предательства²².

Мнение Фомина достойно внимания, но оно, к сожалению, оставляет за скобками следующий вопрос: если Павлов знал, что немцы готовят “внезапное” нападение, что же он всё-таки сделал для того, чтобы не растерять все свои силы в первые же дни войны? Да, мы знаем, что Кремль и Генштаб связывали ему руки (равно как и другим командующим приграничными округами). Есть версия, что командующие войсками округов и армий, по информации из Москвы, не ожидали нападения ранее первой половины июля.

Обращает на себя внимание также записка бывшего командующего 3-й армией ЗапОВО генерал-полковника В.И. Кузнецова, направленная всё тому же генералу Курасову в 1956 г. В ней, в частности, говорилось:

“В свое время (еще до начала войны) все командующие армиями, в том числе и я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки. В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление (21, 22, 23 июня). Тем не менее Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию войск всех армий фронта отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от линии фронта. Этот приказ был, насколько мне известно, выполнен полностью командующим 4-й армией Коробковым, частично командующим 10-й армией генерал-майором К.Д. Голубевым и не выполнен мною, так как за несколько дней до начала войны

²² ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 725588 с, д. 36, л. 294–302.

мною было подготовлено и проводилось учение по отработке вопросов прикрытия границы и войска (4 ск²³) были выведены к границе”.

Кузнецов не видел ничего предательского в действиях Павлова или Климовских, но отмечал, что они просто не справились с ситуацией начального периода войны. В качестве примера он привел следующую фразу Павлова в момент разговора с ним по аппарату “ВЧ” примерно в 10.00, 22 июня 1941 г. После того как Кузнецовым была доложена Павлову боевая обстановка, последний спросил: “Скажи, где у тебя артиллерия?”, получив ответ, что вся артиллерия находится на позициях в боевых порядках 4-го ск, – задал следующий вопрос: “Разве ты ее не отправил?”, узнав, что не отправил, сказал: “Слава богу, нашелся хоть один догадливый человек, который делает то, что нужно”, и далее: “Можно обо всем этом докладывать Москве?”. Получив подтверждение Кузнецова, Павлов закончил разговор²⁴.

Что можно еще добавить к написанному генералом Кузнецовым? Мнение о том, что Павлов и его штаб не справились с ситуацией в начальный период войны, представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта и при другом более волевом или более опытном командующем. Очевидно, однако, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время, и генерал Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии. Одним из примеров этого является случай с артиллерией фронта, выведенной перед самой войной в тыл на стрельбы. Возможно, Павлова подвело чутье, однако в любом случае налицо халатность со стороны штаба ЗапОВО.

Многие авиачасти подверглись ударам на аэродромах (BBC, укомплектованные на 70% устаревшими самолетами, в первый же день понесли колоссальные потери), что позволило противнику захватить господство в воздухе. Отсутствие у командования ЗапОВО (равно как и у командования КОВО) надлежащей требовательности видно на примере строительства в этих округах оперативных аэродромов. Следует подчеркнуть, что во многом благодаря именно отсутствию в достаточном количестве посадочных площадок авиация Западного фронта уже в первый день войны лишилась около 738 боевых машин. Это число составляет 60% от всех уничтоженных советских самолетов во всех западных приграничных округах 22 июня 1941 г.

Военные советы округов могли предпринять перед войной более интенсивные меры, направленные на сокращение собственных потерь в случае внезапного начала агрессии. К ним можно отнести создание достаточного количества минных полей на направлениях предполагаемых ударов противника, подготовку к взрыву мостов через пограничные реки, более активное строительство аэродромов и рассредоточение на них авиации, организацию надежной охраны линий связи – все эти меры сугубо оборонительные, и не могли дать повода для немецкой провокации. Получилось же все по-иному, – немецкие танки захватывали мосты через Буг в целости и сохранности, а обрыв линий связи в первые часы войны породил хаос в организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были предопределены таким образом с самого начала.

К этому следует добавить разлаженность многих звеньев окружного и армейского управлений. И здесь не лучший пример подавал именно штаб ЗапОВО. Яркий пример: вечером в субботу, 21 июня, в тот момент, когда от разведки поступали всё более тревожные донесения о том, что немецкие войска уже занимают исходные позиции для атаки и готовы к нападению, командование округа слушало в Доме офицеров оперетту.

Войска не были подготовлены морально, психологически к нападению противника. Войну и ждали, и в то же время не хотели прощаться с мирной жизнью. Да, было сообщение ТАСС от 14 июня, но было и отсутствие должной дисциплины в самих войсках.

²³ Стрелковый корпус.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 725588 с, д. 36, л. 343–346.

Требовательность подменялась благодушием, что не замедлило сказаться уже в первый день войны.

Еще до восхода солнца государственную границу СССР пересекли первые вражеские бомбардировщики, а с рассветом противник начал сильный артиллерийский обстрел советских войск, расположенных вблизи границы, в частности, частей 4-й армии ЗапОВО. В 6 ч 40 мин утра командующий этой армией генерал А.А. Коробков доносил Д.Г. Павлову: "...4.15 22.6 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6.00 Артиллерийский обстрел усилился в районе Брест. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет. Данных к 6.30 о форсировании противником р. Буг не имею. Со штабом перехожу на запас[ной] КП в Буховиче. 22 тд под артогнем в беспорядке вытягивается в свой район. Самолеты противника с 6.00 начали появляться группами по 3–9 самолетов, бомбили пружанскую дивизию, результаты неизвестны..."²⁵

Непосредственно перед вторжением в тыл советских войск были выброшены группы диверсантов, которые стали перерезать связь, перехватывать и убивать посыльных. Таким образом, штаб фронта лишился устойчивой связи с армиями. Бывший начальник оперативного отдела штаба 10-й армии подполковник Маркушевич уже в августе 1941 г. докладывал заместителю начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенанту Г.К. Маландину о том, что о готовящемся нападении немцев и о вскрытии "Красного пакета"²⁶ было получено извещение по "ВЧ" между 3.00 и 3.30 22.06.41 г. лично командующим 10-й армией генерал-майором К.Д. Голубевым от генерала армии Павлова. Это распоряжение было передано всем командирам корпусов. Однако далеко не все части успели занять исходные позиции, а те, которые заняли, отражали атаки противника, в основном "погибли в этих точках". Далее отмечалось, что "проводная связь со штабом фронта и войсками была прервана между 3.30 и 4.00", а радиостанция уничтожена авиацией противника. И впоследствии связь была очень неустойчивой и через каждые 30–40 мин прерывалась. Окончательно связь со штабом фронта была потеряна 25 июня. Приказ об отводе войск на рубеж р. Бобр, р. Нарев был получен штабом 10-й армии от прилетевшего на самолете генерал-лейтенанта И.В. Болдина²⁷. Отсутствие надлежащей связи штабов соединений и объединений с подчиненными группировками войск стало одной из главных причин неудач советских войск в приграничных сражениях. Днем 22 июня Павлов получил лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и смутно представлял себе ситуацию на фронте.

Неизвестность, отсутствие точной информации, неразбериха и паника стали главными особенностями в управлении соединениями Западного фронта 22 июня 1941 г.

Бойцы и командиры испытали тогда сильнейший шок, который хорошо виден из текста шифрограммы Военного совета Западного фронта подчиненным войскам, отправленной вечером 22 июня 1941 г.

"Опыт первого дня войны, – говорилось в ней, – показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников.

Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу". Приказывалось: "При отходе скот угонять, продовольствия врагу не оставлять. Организовать питание горячей пищей через местное население". Шифрограмма подписана Д.Г. Павловым, А.Я. Фоминых (членом Военного совета фронта), В.Е. Климовских²⁸.

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 1.

²⁶ План занятия укреплений и действий в случае начала войны.

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 52–54.

²⁸ US. Library of Congress. Manuscript Division. Volkogonov Collection. Reel 4.

Комментарии здесь излишни. Стоит только заметить, что вина за царившие в первый день войны панику, неразбериху, отступления от правил Устава лежит во многом на самих генералах, подписавших этот документ.

Как протекали первые часы и дни войны на Западном фронте, которые во многом определили ситуацию на данном театре и в последующие недели войны? Как действовало командование объединением? Глубже разобраться в этих деталях нам помогает рапорт начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г., посвященный описанию обстановки в момент нападения Германии на СССР. В нем среди прочего говорилось:

«21 июня 1941 г. в 24.00 мне позвонил Член Военного совета и просил прийти в штаб... Командующий 10-й армией Голубев сказал, что обстановка чрезвычайно напряженная и есть приказ из округа руководящему составу ждать распоряжений не отходя от аппарата. В свою очередь к этому времени были вызваны к проводу и ждали распоряжений все командиры корпусов и дивизий.

Примерно в 1 час ночи 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по “ВЧ” и приказал привести войска в план боевой готовности и сказал, что подробности сообщит шифром²⁹. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 часов все средства связи были порваны³⁰. Полагаю, что противником до начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи.

К 10–11 часам утра шифровка прибыла³¹. Точного содержания сейчас не помню, но хорошо помню, что в ней говорилось привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить. К этому времени войска противника продвинулись на 5–10 км. Шифровка была подписана Павловым, Фоминых, Климовских».

Многое остается неясным: как скоро поднимались войска по тревоге после звонка Павлова по “ВЧ” в 1 час ночи, какие указания получали части и соединения. Но факт остается – командиры ждали указаний сверху не отходя от аппаратов связи, а приказ о приведении войск в боевую готовность (хотя и без подробностей) был доведен до них сразу после поступления соответствующей директивы из Москвы. Передача Директивы № 1 в округа была закончена в 00.30 мин. 22 июня. В 10–11 часов, когда немцы уже вовсю наступали, подоспел и сам текст Директивы, включая слова “не поддаваться ни на какие провокации”. Отметим, что если бы полевые командиры руководствовались этими словами в момент начала германской атаки, это могло лишь усугубить и без того критическую ситуацию в районе боевых действий.

Полковой комиссар также отмечал: “...В 3.58 мин под Белостоком появились первые самолеты противника и вслед за этим началась бомбардировка белостокского аэродрома. Одновременно бомбардировке подверглись почти все города и местечки, где располагались штабы соединений 10-й армии. К 8 часам утра КП [армии] переместился близ дер. Старосельцы в лес, что в 5 км северо-западнее Белостока. Сразу же командованием были приняты меры к установлению связи между соединениями, и уже к 12 часам связь с ними была восстановлена делегатами. Радиосвязь была восстановлена к исходу 22 июня – как с округом, так и со всеми соединениями... проволочной связи не было... К вечеру 22 июня, не помню точно, то ли от зам. командующего Болдина, то ли из штаба ЗапОВО³² был получен приказ закрепиться на р. Нарев. Приказание было вызвано якобы неустойкой соседа – 3-й армии...”

Далее полковой комиссар Лось докладывал о тяжелом отступлении частей армии, бомбежках немецкой авиации шоссе Белосток – Волковыск, которое было забито тру-

²⁹ Нестыковка с показаниями подполковника Марушкевича, который писал, что указания по “ВЧ” были получены между 3.00 и 3.30.

³⁰ Опять же Марушкевич отмечал, что проводная связь была нарушена между 3.30 и 4.00.

³¹ Речь, очевидно, о Директиве № 1 за подписью Тимошенко и Жукова.

³² К тому времени фронта.

пами людей, брошенными автомашинами, танками, боеприпасами, и пробраться по которому было совершенно невозможно. На р. Нарев, по его словам, вышли, по существу, разбитые войска, имеющие в дивизиях очень незначительное количество людей, а от таких соединений, как 13-й мехкорпус, – остался только один штаб.

“Положение усугублялось тем, – писал Лось, – что по распоряжению штаба округа с 15 июня все артиллерийские полки дивизий, корпусов и арtpолки РГК были собраны в лагеря в двух местах: Червонный Бор (между Ломжей и Замбровом) – 22 полка 10-й армии и в Обус-Лесном – арtpолки тыловых дивизий армии и других частей округа. Для поднятия этих полков был послан начальник артиллерии армии генерал-майор Барсуков, которому, как он мне рассказывал, удалось в 6 часов утра добраться до полков, разбудить их, поднять по тревоге и направить их в дивизии. Это было уже в то время, когда все пограничные дивизии вели бой с противником”.

Возвратимся еще раз к вопросу, почему Павлов приказал перед самой войной вывести артиллерию в лагеря. Действительно ли он считал, что во время учебных стрельб война не начнется, проявив недальновидность, граничащую с халатностью, либо, получая соответствующие указания из Москвы и боясь спровоцировать немцев нечаянно залетевшим к ним снарядам, распорядился отвести орудия от греха подальше в тыл? Прояснить ситуацию мог бы сам Павлов, но после разгрома своего фронта он был осужден и расстрелян. Что касается артиллерии, поднятой генералом Барсуковым, то ей не довелось проявить себя. Она передвигалась на мехтяге. Но горючего было недостаточно. Кроме того, значительная часть тягачей сразу вышла из строя. Пушки и гаубицы приходилось либо взрывать, либо просто бросать на дороге, не произведя ни одного выстрела. Полковой комиссар Лось остановился и на незавидной судьбе самого укомплектованного мехкорпуса РККА – 6-го генерал-майора М.Г. Хацкилевича, – брошенного в бой по приказу прибывшего на фронт маршала Г.И. Кулика, но не обеспеченного ни горючим, ни боеприпасами, без какого-либо прикрытия с воздуха. Автор рапорта заключает:

“Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня – после чего началось беспорядочное отступление... Панике способствовало то, что в ночь с 22 на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ, во главе с начальниками органов, также сбежали... Белосток остался без власти... Враждебные элементы подняли голову. Освободили из тюрьмы 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе, открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам”³³.

Следует добавить, что такое поведение начальства, бросавшего свое население и убежавшего в тыл, наблюдалось в те дни и в других городах. После бомбардировки Гродно “все управление: как-то Горсовет, РК и Горком ВКП(б), директора предприятий, милиция и НКВД побросали посты и сбежали” – говорилось в оперативной сводке ПВО пункта Лида за 23–24 июня. В результате город остался без управления, подняли голову враждебные элементы, распушена тюрьма³⁴. Всё это еще больше осложнило организацию обороны, создавало хаос в тылу, способствовало дезертирству красноармейцев из боевых частей, особенно недавно призванных из близлежащих районов.

Однако даже оставленные начальством, советские воины не раз брали инициативу на себя и храбро сражались с врагом. Так произошло и в Брестской крепости, комендант которой генерал-майор М.И. Пузырёв отдал приказ уходить на восток, но далеко не все об этом знали. Сам Брестский укрепрайон попал в руки неприятеля в течение нескольких часов. В крепости осталось, как предполагается, до 3500 солдат и офицеров с несколькими орудиями и бронемашинами. Оборону возглавили капитан И.Н. Зубачёв, полковой комиссар Е.М. Фомин, майор П. М. Гаврилов. В ходе боев 22 июня противник не смог захватить цитадель и в какой-то момент даже оставил часть позиций в крепости. Плотность застройки мешала вести немцам прицельный артиллерийский огонь

³³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 9, п. 39, д. 99, л. 329–339.

³⁴ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 52.

с близкого расстояния. Однако крепость оказалась блокирована, причем ее защитники находились в разных частях цитадели и могли рассчитывать только на себя и те запасы, которые находились у них под рукой. 24 июня гитлеровцам удалось занять Тереспольское и Волынское укрепления на островах Западного Буга. Артиллерийский обстрел сопровождался налетами авиации. Не хватало воды, положение усугубляла сильная жара. Однако бойцы продолжали сопротивляться, поражая не только живую силу, но и технику врага – им удалось сбить один истребитель и подбить не менее четырех танков, еще несколько подорвалось на установленных нашими солдатами минах. Однако к началу июля враг захватил укрепления на Центральном острове, после чего сопротивление утратило организованный характер. Отдельные вылазки уцелевших защитников продолжались до начала августа. Большинство оставшихся в живых попало в плен³⁵. Е.М. Фомин был расстрелян. И.Н. Зубачёв умер в заключении. П.М. Гаврилов выжил, частично утратил слух, в ходе послевоенного сокращения армии выбыл из ее рядов, в 1957 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Уже к вечеру 22 июня германские войска, вторгшиеся на советскую территорию, достигли больших успехов. 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана отбросила 4-ю армию генерала А.А. Коробкова на 20–30 км. Из-за отсутствия связи с армией в штабе фронта не представляли, какое мощное соединение противника действует из района Бреста. Германские самолеты господствовали в воздухе. Начавшие выдвижение на исходные позиции советские дивизии неожиданно натыкались на противника и вступали в бой разрозненно.

Но вернемся к событиям первого дня войны. В течение 22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы еще две директивы (№ 2 и 3). Первая, пришедшая утром, содержала приказ разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить (И.В. Сталин всё ещё не был уверен, что это не провокация), но уже к вечеру советское верховное руководство потребовало перехода в решительное наступление. Для выяснения обстановки на фронт из Москвы были направлены несколько высших офицеров, в том числе к Д.Г. Павлову маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, генералы В.Д. Соколовский и Г.К. Маландин. Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкинскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. Получив поздно вечером 22 июня эту директиву, Павлов начал планировать контрудар в районе Гродно. 4-й армии также ставилась задача начать наступление с 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста. Однако вечером 22 июня приказ требовал “госграницу до особого разрешения не переходить”³⁶. К сожалению, ни в штабе фронта, ни тем более в Москве не имели верного представления о ситуации на границе. А обстановка никак не располагала к наступлению.

С утра 23 июня по приказу Павлова для нанесения контрудара была образована группа генерала И.В. Болдина, включавшая 6-й и 11-й мехкорпуса, 36-ю кавалерийскую дивизию и части 3-й армии генерала В.И. Кузнецова. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы серьезно повлиять на обстановку, ведь только 6-й мехкорпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ, но на деле неподготовленное наступление при господстве авиации противника оказалось обреченным на провал. 11-й мехкорпус и 3-я армия уже были связаны боями, а 6-й мехкорпус и 36-я кавдивизия находились в 60–80 км от Гродно. Выдвигающиеся на исходные позиции дивизии подвергались ожесточенным ударам с воздуха, поврежденную и просто сломавшуюся технику из-за отсутствия ремонтной базы приходилось бросать на обочинах. Части 6-го мехкорпуса подходили к фронту разрозненно, с ходу бросались в бой, и уже к ночи наступление пришлось остановить из-за нехватки горючего и боеприпасов. Противник не только не был остановлен, но в тот же день ворвался в Гродно. На следующий день советские атаки возобновились, но успеха также не достигли.

³⁵ См.: *Асташин Н.А.* Брестская крепость. – Великая Отечественная война. Энциклопедия. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2010, с. 91–93.

³⁶ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 19.

На южном фланге Западного фронта 23 июня 14-й мехкорпус 4-й армии также контратаковал противника и даже смог продвинуться на несколько километров к Бресту, но силы здесь были слишком неравны, и наступление быстро выдохлось. Не добившись существенных результатов, советские войска понесли огромные потери. Мехкорпуса фактически потеряли свою ударную силу. Так в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м из 518 танков – 25³⁷.

Тем временем 3-я танковая группа генерал-полковника Г. Гота, разгромив 11-ю армию Северо-Западного фронта и обойдя с севера 3-ю армию, устремилась в образовавшийся между фронтами разрыв, направила два из трех своих моторизованных корпусов на Минск. Павлов попытался преградить ей путь резервными частями фронта, сведенными в 13-ю армию генерала П.М. Филатова, но танки Гота ворвались в расположение штаба армии и разгромили его. Уже 26 июня 3-я танковая группа подошла к минскому укрепрайону и завязала бои за город. На следующий день дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й советских армий. На юге танковая группа Гудериана, преодолевая всё более слабеющее сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала реку Щара и двинулась на Минск и Бобруйск.

О положении соединений 4-й армии генерал-майора А.А. Коробкова после первых столкновений с противником говорят строки Оперативной сводки штаба армии за 24 июня 1941 г.: "...Части 4 армии, после бандитского налета противника, отходили, оказывая сопротивление по рубежам обороны на Картуз, Береза и к 18.00 24.6. отошли остатками корпусов в районы Войтки, Мазурки, Синявка, где закрепляются для оказания дальнейшего сопротивления. Остатки частей 6 и 42 сд 28 ск, после ряда оборонительных боев к 18.00 отошли в районы Русиловичи, Тальминовиче, где приводятся в порядок. Эти остатки не имеют боеспособности... С 49 сд с момента выхода по тревоги связи нет... 14 мк активно обороняясь переходя неоднократно в контратаки понес большие потери в матчасти и личном составе и к 25.6 не представляет боеспособного состояния... 10 САД³⁸ 22.6 понесла громадные потери (почти целиком уничтожены оба ИАП³⁹ и ШАП⁴⁰) в первой половине дня участия в боевых действиях не принимала, дислокация Пинск. Вывод: все части, за исключением 55 и 75 сд, небоеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и матчастью и приведении в порядок... От постоянной и жестокой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделяются, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех соединений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали.

Начальник штаба 4 армии полковник Сандалов

Начальник опер. отдела полковник Долгов"⁴¹.

Характерную оценку обстановки на Западном фронте в письме на имя секретаря ЦК КП(б)Б и члена Военного совета фронта П.К. Пономаренко дал 27 июня 1941 г. начальник отдела политпропаганды дивизии полковой комиссар Сумар. Видимо, не сумев наладить контакт со своим армейским начальством, он решил обратиться напрямую в штаб фронта и прежде всего дать разъяснение, что происходит и что делать? "Где наши войска? Где местная власть территории Западной Белоруссии?" Комиссар излагал свои наблюдения и делал заключение: "Всё бежит на восток без всяких оснований... Никто боевой задачи нам не ставит, штабов армии и корпусов нигде не найти; снаряды, патроны, горючее и продовольствие на исходе"⁴².

³⁷ Киселёв О.Г. Указ. соч., с. 441.

³⁸ Смешанная авиационная дивизия.

³⁹ Истребительный авиационный полк.

⁴⁰ Штурмовой авиационный полк.

⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 9.

⁴² Там же, д. 29, л. 164.

К 28 июня в мехкорпусах Западного фронта остались уже фактически единицы исправных бронемашин и танков. Так, командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С.И. Оборин доносил вечером 28 июня генералу армии Павлову сведения о состоянии своих соединений после выхода из боев, которые всего несколько дней назад вряд ли мог себе представить хоть один офицер в штабе фронта: 30 танковая дивизия [тд] – 2 танка Т-26, один из них неисправный; 22 тд – танков – 0. “Общие потери (примерно) 14 МК – 80%, из них убитых и раненых около 30 %, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры [для] сбора в район г. Смоленска”⁴³.

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте, вызывало панику среди частей и способствовало еще более быстрому продвижению германских соединений на восток. Уже в середине дня 22 июня 1941 г. штаб 4-й армии доносил фронтовому командованию (и это донесение можно считать своего рода резюме всех просчетов в развертывании авиации ЗапОВО накануне войны): “Противник превосходит [ВВС РККА] в воздухе, наши авиаполки имеют большие (30–40%) потери. Штарм – разгромлен (в Кобрине, штакор 28 – в Жабинке также в 12.15 22.6. бомбили; штакор 14 мк – Тевли...”⁴⁴ От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березина, в штаб Западного фронта поступали донесения, в которых говорилось о безнаказанных действиях германской авиации. В то же время констатировалось: “Снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется”⁴⁵. Неудивительно поэтому, что моторизованные колонны неприятеля прошли восточнее Минска и фактически сходу приступили к форсированию р. Березина с целью дальнейшего наступления на Могилёв, Оршу, Витебск. Начальник гарнизона г. Борисова, расположенного на той же Березине, 2 июля умолял штаб фронта “во что бы то ни стало выслать в мое распоряжение хотя бы одну эскадрилью истребителей, ибо основные потери и главное – паника – наносятся авиацией противника, которая, пользуясь отсутствием авиации на нашем участке работает всё время на бреющих полетах, почти безнаказанно”. Далее следовала просьба о выделении средств ПТО и другого вооружения, которого в распоряжении гарнизона имелось в крайне незначительном количестве⁴⁶. Об устойчивости советской обороны на этом направлении речи уже быть не могло.

Войска 4-й армии быстро отступали, но иногда могли и огрызнуться. Примечательным эпизодом действий советских частей в этой критической обстановке стали действия советской артиллерии. Уже в первые дни войны она заявила о себе с самой лучшей стороны, сделав тем самым заявку на свою будущую роль на театре военных действий. Начальник штаба 4-й армии составил в конце июня донесение (на документе, написанном от руки, нет подписи и даты), которым зафиксировал начало наступления противника восточнее р. Олла. Здесь же говорилось, что “огнем нашей артиллерии подбито 10 танков на западном берегу р. Олла... 12 мотоциклов с пулеметами, один самолет. Артиллерия действовала отлично, бой продолжается до настоящего времени...”⁴⁷

Неизбежным следствием разгрома 3-й, 10-й и 4-й советских армий стал стремительный бросок германских механизированных соединений в район Минска.

Оборона Минска стала трагической и в то же время героической страницей в летописи Великой Отечественной войны. Силы атакующих и обороняющихся были несопоставимы, защитникам города остро не хватало боеприпасов, но всё же они в течение двух дней отражали яростные атаки танков и пехоты противника. Особенно отличилась 100-я стрелковая дивизия (впоследствии 1-я гвардейская) генерал-майора И.Н. Руссиянова, 26 июня отбившая несколько атак 39-го танкового корпуса врага, а 27 июня даже временно отбросившая гитлеровцев на 13–14 км. Только в 16 ч 28 июня танковая группа Гота смогла ворваться в столицу Белоруссии. На следующий день в город вошли танки

⁴³ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 13.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ Там же, д. 29, л. 18–19.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 29, л. 104–105.

⁴⁷ Там же, д. 36, л. 16.

Гудериана, замкнув, таким образом, еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь части 13-й армии и отчаянно сражавшиеся на Березине остатки 4-й армии, переподчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба Жукова 21-й армии. Штаб 4-й армии выводился в район Пропойска⁴⁸.

Разгром Западного фронта был очевиден, и Ставке пришлось принимать все доступные меры к недопущению дальнейшего беспрепятственного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко, занявший эту должность вместо отставленного и арестованного Д.Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван к прямому проводу для переговоров со Сталиным. В словах Сталина чувствовалось смятение от неопределенности ситуации на фронте и отсутствия действенных мер к задержанию противника. Видимо, опасаясь развития событий по худшему сценарию, означавшему скорое появление немцев у Смоленска, он спрашивал Тимошенко: “Нас интересует, заминировали ли Вы автостраду Орша – Минск?... Подходят ли на рубеж Ваши части?... Как идут работы на рубеже⁴⁹?... Знаете ли Вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый Вашими частями, в каком они состоянии?” Тимошенко, едва войдя в должность, вынужден был отвечать на непростые вопросы. По сути, он мог лишь более или менее успешно реагировать на драматические развивавшуюся обстановку. Принимавшиеся в этих условиях решения априори не соответствовали обстановке. Однако нужно было действовать безотлагательно. Военному руководству приходилось бросать подходившие части с марша в сражение (пусть даже по частям) – без этого противник гарантированно выходил на оперативный простор, в глубь Европейской территории СССР и выполнял свою задачу по разгрому Красной Армии и всего Советского государства. На вопросы Сталина Тимошенко отвечал, что взрывчатые вещества подвозятся и новые части выходят к намеченным рубежам. Но войска фронта остро нуждаются в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Маршал отметил, что “до вчерашнего дня никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило”⁵⁰.

Окруженные под Белостоком и Минском советские части были обескровлены и смогли прорваться на восток лишь разрозненными подразделениями – зачастую выходили группы всего по несколько человек, либо вовсе одиночные бойцы и командиры. Упомянутый выше полковой комиссар Лось вспоминал о том, как он пробирался из окружения на восток вместе с маршалом Куликом с одной только мыслью: “пробиться или умереть”. Он упомянул также о том, как маршал приказал переодеться всем командирам и бойцам в крестьянскую одежду, но всё равно их группа чуть было не угодила в руки к немцам, и лишь счастливый случай спас их от вражеского плена⁵¹.

Но многие бойцы и командиры даже под угрозой полного уничтожения не сдавались, как рассчитывали фашисты, и отчаянно дрались до 8 июля, приковав к себе до 25 дивизий противника. Их героическая борьба позволила фактически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли по рекам Западная Двина и Днепр. Немцы пытались продолжить безостановочный марш на восток 2-й и 3-й танковых групп, но усилившееся сопротивление советских войск не дало им возможности сохранить прежний темп движения. И всё же к 9 июля танки Гудериана уже подошли к Могилёву, а дивизии Гота пробивали себе дорогу на Витебск.

За первые 18 дней боев Западный фронт с Пинской флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно⁵², 4799 танков, 9427 орудий и минометов, 1777 самолетов⁵³. Войска отступили на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Были

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 21, 25.

⁴⁹ Речь идет о р. Днепр.

⁵⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год, т. 16 (5–1). М., 1996, с. 43–44.

⁵¹ РГВА, ф. 9, оп. 39, д. 99, л. 329–339.

⁵² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009, с. 78.

⁵³ Великая Отечественная война, кн. 1, с. 147.

потерины огромные запасы продуктов, оружия, топлива, снаряжения. Вина за катастрофу Западного фронта была возложена на командование фронта. Павлов, его начальник штаба Климовских, несколько других генералов были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1957 г. всех их реабилитировали посмертно.

Причины катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни войны подробно стали анализироваться военно-исторической наукой с середины 1950-х годов. До сих пор изучение уроков поражения в Белоруссии в 1941 г. остается весьма актуальным. Для россиян оно актуально вдвойне, поскольку именно это направление веками служило кратчайшим путем для многочисленных противников нашей страны к сердцу государства. О предвоенных ошибках советского командования было сказано выше. Но имеет смысл обратить внимание на ход руководства боевыми действиями уже после начала германской агрессии. По мнению генерала Фомина, которое он изложил в упомянутой записке 1956 г. для заместителя начальника Генерального штаба, Западный фронт постигла неудача по следующим причинам: численное превосходство противника (им указывалось соотношение 1:5, или 12 советских дивизий против 64 немецких, что могло быть только на направлениях главного удара немецких войск, но не в целом по фронту. — *М.М.*); внезапность нападения противника; недостаточная обеспеченность средствами ПВО; отсутствие у фронта резервов и оборонительного рубежа по реке Щара и снятие с него войск в ночь с первого на второй день войны, “вследствие чего противник, беспрепятственно заняв его, создал условия, окружения войск 3 и 10-й армий”; запоздалое занятие рубежей УРов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии, “безграмотное вмешательство [направленного Сталиным из Москвы] маршала Кулика в распоряжения [заместителя командующего фронтом] Болдина и [командующего 10-й армией] Голубева, что привело к бесславному концу подвижной группы фронта”⁵⁴.

Фомин упомянул и бывшего начальника штаба фронта генерал-майора Климовских, отличавшегося, по его мнению, “большой работоспособностью и честностью”. Единственное, что не нравилось Фомину в своем непосредственном начальнике — это отсутствие у Климовских “трезвой оценки противника и его возможностей. Климовских никогда не верил, что противник в состоянии так далеко планировать свою первоначальную операцию и наносить далеко в глубину свои массированные удары авиации”.

В заключении Фомин написал, что все перечисленные им генералы, арестованные и расстрелянные летом 1941 г., “были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось”⁵⁵.

В послевоенной записке генерал-полковник В. И. Кузнецов, равно как и Фомин, критиковал действия маршала Кулика, считая неверным его указание об организации 24 июня контрудара частей армии в общем направлении на Гродно — Сувалки с целью обеспечения с севера фланга ударной группы фронта в составе 10-й армии и мехкорпуса Хацкилевича. Дело в том, что корпус Хацкилевича имел тогда горячего всего на полторы заправки, авиация фронта была разгромлена, фланги фронта, как правый, так и левый, открыты. По мнению Кузнецова, в создавшихся условиях наиболее разумным был бы переход к “подвижной обороне” и контрудар по тылам 2-й танковой группы Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада⁵⁶.

Еще одним объяснением неудачных действий Западного фронта в начале войны был тот факт, что по предвоенной оценке Генштаба и наркомата обороны, наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник наносил главный удар на Смоленск и Москву, что давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел поражение. Тяжелое положение сложилось в конце июня — начале июля 1941 г. и в полосе соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов.

⁵⁴ То, что представители Ставки не смогли должным образом разобраться в боевой обстановке, отмечают и некоторые современные исследователи (см., например: *Пальчиков П.А., Гончаров А.А.* Указ. соч., с. 118; цитируется тот же документ).

⁵⁵ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 725588 с, д. 36, л. 294–302.

⁵⁶ Там же, л. 343–346.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Наступавшая в Прибалтике ГА “Север” фельдмаршала В. Лееба состояла из 16-й, 18-й полевых армий и 4-й танковой группы. Вместе с 3-й танковой группой ее передовые силы вторжения насчитывали 655 тыс. чел., 7673 орудия и миномета, 1389 танков и 1070 самолетов 1-го воздушного флота генерал-лейтенанта авиации И. Келлера. Северо-Западный фронт (командующий – генерал-полковник Ф.И. Кузнецов), преобразованный из Прибалтийского Особого военного округа, включал 8-ю, 11-ю и 27-ю армии, а также 5-й воздушно-десантный корпус. Общая численность войск фронта составляла всего 379,5 тыс. чел., 4938 орудий и минометов, 1274 танка и 1078 самолетов⁵⁷.

События первого дня войны здесь в целом повторяли происходившее на Западном фронте. Противник выбросил диверсионные группы, бомбил аэродромы, внезапной атакой захватил целыми все мосты через Неман. Уступающие противнику на направлениях главного удара в 5–8 раз, части 8-й и 11-й армий не смогли удержать линию фронта. 3-я танковая группа Гота, прорвав оборону 11-й армии, устремилась на Вильнюс, а 4-я танковая группа генерал-полковника Э. Гёпнера, смяв боевые порядки 8-й армии, быстро продвигалась к Даугавпилсу. 3-я танковая группа, имевшая в своем составе два моторизованных и два армейских корпуса (4 танковые, 3 моторизованные, 4 пехотные дивизии), в приграничных сражениях должна была действовать на театре, занимаемом советским Северо-Западным фронтом, оказывая содействие ГА “Север” в разгроме советских войск в Литве и создании разрыва между соединениями РККА в Прибалтике и Белоруссии. После захвата Вильнюса группе Гота предстояло повернуть свои силы на юго-восток – к Минску.

Пытаясь остановить рвущегося к Вильнюсу врага, командующий 11-й армией генерал В.И. Морозов бросил в бой 3-й мехкорпус, однако в ожесточенном сражении вечером 22 июня 5-я дивизия корпуса была разгромлена и отступила. 24 июня Вильнюс пал, а танки Гота рванулись к Минску.

23 июня комфронта Кузнецов попытался организовать контрудар силами 3-го и 12-го мехкорпусов против 4-й танковой группы. Хотя в целом советские войска имели полуторное превосходство в танках, они вдвое уступали в живой силе и артиллерии; к тому же танковые дивизии оказались растянутыми на широком фронте и вместо сконцентрированного, мощного наступления осуществляли удар “растопыренными пальцами”, вводясь в бой по частям. Тем не менее, поначалу советским танкистам удалось несколько потеснить 41-й моторизованный корпус противника и даже вынудить его перейти к обороне. Ожесточенное танковое сражение продолжалось двое суток, но 25 июня атаки пришлось прекратить из-за огромных потерь и нехватки боеприпасов. В 12-м мехкорпусе осталось всего 35 танков⁵⁸.

Немецкие части, сталкиваясь с советскими танками, действовали тактически грамотно: вперед выдвигались средства ПТО, прежде всего противотанковые орудия, тогда как собственные бронированные машины отводились назад. Срочно вызывалась по радио авиация. В результате большое количество советских танков выводилось из строя еще до того, как они успевали открыть прицельный огонь по противнику. Немцам было весьма важно осуществлять непрерывное и быстрое продвижение своих моторизованных колонн на восток. Моторизованным корпусам Г. Гот ставил задачи по “быстрейшему форсированию Немана... разрыву групп противника вокруг Минска и Вильно” и давал рекомендации по ведению боя. К ним, в частности, относились: “Уничтожение оставшихся частей противника, захват пленных и трофеев, по возможности нужно предоставить следующим позади моторизованным и пехотным дивизиям... Фланги охраняются разведкой... Решающее значение для успеха наступления имеет придача саперов передовым частям и своевременный подвоз средств для наводки моста... Нужно обязательно придавать передовым частям артиллерию”. Далее командующий 3-й танковой

⁵⁷ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 75–76.

⁵⁸ Киселёв О.Г. Указ. соч., с. 442–443.

группой указывал на вероятность встречи с авиацией и танками противника и требовал исключить скапливание собственных машин в местах переправ⁵⁹.

Г. Гот вспоминал позже об одном из боев с советскими танками у Алитуса: «В “исключительно тяжелом танковом бою”, как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение. Остатки этой дивизии ушли на северо-восток и через несколько дней потеряли свои последние танки»⁶⁰.

Пока 41-й корпус вермахта отбивал контратаки, 56-й моторизованный корпус рвался вперед, почти не встречая сопротивления. 26 июня немецкие танки внезапно ворвались в Даугавпилс и захватили мосты через Западную Двину. 11-й армии, которой немцы, таким образом, отрезали пути отступления на северо-восток, пришлось отойти в полосу Западного фронта.

Попытки командования Северо-Западного фронта вернуть мосты вылились в двухдневное сражение между советскими 21-м мехкорпусом и 5-м воздушно-десантным корпусом с одной стороны и частями 56-го корпуса вермахта, с другой. К сожалению, выбить противника из Даугавпилса не удалось, хотя враг понес серьезные потери. А в ночь на 29 июня реку форсировали и части 41-го корпуса противника у Екабпилса.

Тем временем пехотные соединения 18-й армии противника наступали на Ригу. На целых три дня задержал врага героический гарнизон военно-морской базы в Лиепае, но 29 июня немцы всё же ворвались в Ригу, грозя отрезать не успевшие отойти части 8-й армии генерал-майора П.П. Собенникова. Решительной контратакой противник был выбит из города, и 8-я армия в полном порядке отошла за Западную Двину. Вновь занять Ригу немцы смогли лишь 1 июля⁶¹.

29 июня советское верховное командование отдало приказ подготовить оборонительные позиции на старой советской границе, но Кузнецов неправильно его понял и распорядился начать отход от Западной Двины. Когда ошибка вскрылась, вернуть утраченные позиции было уже невозможно. 2 июля противник нанес мощный удар в стык между 8-й и 27-й армиями и прорвал фронт. Таким образом, в результате первых дней войны группировка Северо-Западного фронта была рассечена и частично окружена. Советские войска были вынуждены отойти за рубеж Западной Двины (Даугавы). Попытки восстановить фронт вводом второго эшелона и резервов объединения по большей части оказались неудачными. В результате этого отступление в направлении Эстонии и Пскова стало единственно возможным средством спасти оставшиеся части. За неумелое руководство войсками командование фронта было отстранено от своих постов. Новым командующим фронта стал генерал-майор П.П. Собенников, а его начальником штаба – генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин⁶².

Тем временем устремившиеся в прорыв танки Гёпнера 6 июля захватили город Остров, а 10 июля после ожесточенного боя – Псков. Реальная угроза нависла над Ленинградом. Лишь в Эстонии 8-й армии удалось задержать врага на линии Пярну – Тарту, а на полуострове Ханко продолжал героически обороняться гарнизон советской военно-морской базы. Силы Краснознаменного Балтийского флота вели пока успешную борьбу с немецкими надводными и подводными силами, пытавшимися перерезать линии советских морских коммуникаций и запереть флот в Финском заливе.

За три недели боев советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя на 450 км. Они потеряли 88,5 тыс. чел. (в т.ч. 75 тыс. безвозвратно)⁶³, более 1000 танков и 1000 самолетов, примерно 4000 орудий и минометов⁶⁴.

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 20, л. 31–39.

⁶⁰ Гот Г. Танковые операции. М., 1961.

⁶¹ Киселёв О.Г. Указ. соч. с. 443.

⁶² Великая Отечественная война. 1941–1945, кн. 1, с. 154.

⁶³ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 76.

⁶⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945, кн. 1, с. 154.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ И ЮЖНЫЙ ФРОНТЫ

Против войск Киевского Особого военного округа (с 25 июня – Юго-Западный фронт) противник развернул ГА “Юг” фельдмаршала Г. Рундштедта, которая состояла из 6-й и 17-й армий и 1-й танковой группы. Кроме того, 11-я армия находилась в Румынии, против войск Одесского военного округа. Без учета 11-й армии силы ГА “Юг”, перешедшие в наступление 22 июня, насчитывали 730 тыс. чел., 9700 орудий и минометов, 799 танков и 772 самолета 4-го воздушного флота генерала авиации А. Лёра. Кроме того, на южном фланге группы армии располагались венгерские войска (44,5 тыс. чел., 200 орудий и минометов, 160 танков и 100 самолетов). Юго-Западный фронт (командующий – генерал-полковник М. П. Кирпонос) включал 5-ю, 6-ю, 12-ю и 26-ю армии, а также 5-й кавалерийский, 7-й, 31-й, 36-й, 37-й, 55-й стрелковые, 9-й, 15-й, 19-й, 24-й механизированные и 1-й воздушно-десантный корпуса. Общая численность войск фронта составляла 975 тыс. чел., 12 064 орудия и миномета, 4783 танка, 1759 самолетов⁶⁵.

На юго-западном направлении врагу не удалось быстро добиться решительных успехов. Лишь в полосе 5-й армии противник смог прорвать фронт обороны и продвигнуться на 20 км, а на всех остальных направлениях советские войска успешно отразили атаки немцев и 3-й румынской армии.

Согласно директиве № 3, отданной вечером 22 июня, войска фронта должны были разгромить люблинскую группировку противника и захватить Люблин уже 24 июня. Хотя в штабе фронта считали директиву невыполнимой, решено было 23 июня нанести контрудар по прорвавшейся 1-й танковой группе Э. Клейста силами шести мехкорпусов, насчитывавших 3,7 тыс. танков⁶⁶. Удар предполагалось наносить с двух сторон по сходящимся направлениям. Для координации действий советских войск и постановке конкретных задач соединениям на Юго-Западный фронт был послан сам начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков. Прибыв на место, он стал отдавать энергичные распоряжения относительно быстрейшего перехода в атаку танковых соединений. Разговаривая по прямому проводу с командующим 5-й армией генерал-майором танковых войск М. И. Потаповым, Жуков выражал обеспокоенность продвижением танков врага на Ковель с севера – с брестского направления. Основную вину за это он возлагал на командующего 4-й армией Западного фронта А. А. Коробкова, видимо, не зная еще в деталях о критическом положении в Белоруссии. Проводная связь Потапова с соседними армиями, в том числе с 6-й, к тому времени также была нарушена. В своем докладе он подчеркивал, что его основной задачей являлся разгром владимир-волинской группировки противника и выход к р. Западный Буг. Но механизированные соединения могли сосредоточиться в исходных районах для атаки не ранее чем через двое суток, совершив длинный марш. Кроме того, большинство танков в его армии было устаревших конструкций, многие требовали ремонта. Танки Т-34 отсутствовали, КВ со 152-мм орудиями – 30, остальные – устаревшие Т-26 и БТ. Жуков в то же время требовал: первое: “прочно закрыть с севера подходы на Ковель, второе: не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки... За тыл не бойтесь и на него не оглядывайтесь”. Он распорядился немедленно выдать для танков КВ бетонобойные “снаряды 9 и 30 года” и пустить их в ход, ободряя Потапова: “Будете лупить противника всю... Ночью или завтра буду у Вас”⁶⁷.

Ставка и лично Сталин внимательно следили за подготовкой контрудара на Юго-Западном фронте. К исходу 24 июня в Москве полагали, что Жукову стоит подумать об отводе советских частей из района Перемышля на линию Рудня – Бориславль, чтобы они не оторвались от основной группы войск в районе Львова, и об эвакуации ценного оборудования из Львова. Жуков не возражал, но основное его внимание, как и внимание Ставки, было направлено на организацию контрудара севернее Броды. В Москве

⁶⁵ Там же, с. 155.

⁶⁶ Киселёв О.Г. Указ. соч., с. 444.

⁶⁷ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 1, л. 3–9.

высказали пожелание о нанесении бомбового удара по нефтяным промыслам Плоешти и Бухаресту – столице вступившей в войну против СССР Румынии⁶⁸.

26 июня – в момент начала советского контрудара против наступающих соединений немецкой группы армий “Юг” Жуков всячески подгонял и наставлял командующих армиями, в том числе и Потапова, говоря о том, что он и штаб фронта “крайне недовольны по существу бездеятельностью штаба [армий] и Военного совета” и “если так будете работать, противник вас разобьет”. “Вам надлежит, – продолжал Жуков, – не бросать в атаку разрозненные соединения и части, а организовывать бой в тесном взаимодействии авиации, стрелковых частей и танков, встречая противника на хороших рубежах. Предварительно противника расстреливать, а затем добивать... не бойтесь действовать активнее, немцы страшные трусы, когда их бьют... Весь успех... зависит от знания, где противник, где ваши части и от дерзости Военного совета и всех войск... Надеюсь лично я, Военный совет [фронта] и Нарком, что вы оправдаете свое назначение. Жму руку. Всё”⁶⁹.

26–30 июня в районе Дубно, Луцка и Берестечко развернулось невиданное до тех пор встречное танковое сражение, когда на участке шириной 70 км столкнулись почти 2 тыс. танков⁷⁰. К сожалению, контрудар, который мог привести к серьезному поражению группы Клейста, был очень плохо подготовлен и организован. Как и на Западном и Северо-Западном фронтах дивизии вводились в бой разрозненно, пока они двигались к местам сосредоточения, противник подвергал их нападению с воздуха. В связи с постоянно меняющейся обстановкой, задачи мехкорпусам постоянно уточнялись, в результате некоторым из них пришлось совершать длительные марши по бездорожью, теряя драгоценное время и машины. К моменту начала советского контрудара многие механизированные корпуса уже понесли серьезные потери в танках. Например, 8-й мехкорпус совершил почти 500-километровый марш и оставил на дорогах чуть ли не половину из своих 858 танков, а 8-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса во время марша по болотам пришлось бросить все свои тяжелые танки КВ.

28 июня 1941 г. командарм-5 М. И. Потапов приказал командирам соединений наладить строжайший учет имущества, за утерю которого требовалось предавать виновных военно-полевому суду. Он констатировал, что “преступное отношение к народному достоянию: оружию, боеприпасам, боевым, транспортным машинам принимает широкие размеры. За шесть дней войны утеряно много материальной части. На дорогах бросаются вполне исправные как боевые, так и транспортные машины, оружие и другие виды имущества. Хуже того, что к тем, кто совершает это тягчайшее преступление, никаких мер не принимается. Приказываю: Командирам соединений наладить строжайший учет имущества и за утерю и оставление имущества немедленно предавать Военному Полевому суду”⁷¹ (подчеркнуто в документе).

К вышесказанным причинам неудачи советского контрудара на Юго-Западном фронте следует добавить, что командование фронта почти не управляло сражением из-за отсутствия надежной связи. Корпуса действовали крайне несогласованно, что вело к большим потерям и действиям разрозненно от своих соседей. Итог известен, 8-й мехкорпус попал в окружение, потерял всю свою технику и большую часть личного состава.

Вследствие того, что советский контрудар не достиг своей цели немецкое наступление против Юго-Западного фронта на киевском направлении продолжалось. Теперь под угрозой окружения оказались 26-я и 12-я советские армии, войска которых находились под относительно слабым нажимом вражеских войск в районе южнее Львова. Генерал-полковник Кирпонос, опасаясь, что в немецком котле может оказаться большая часть оставшихся у него сил и средств, уже 27 июня начал отвод войск с львовского выступа. 30 июня Львов был оставлен. В тот же день в наступление перешли венгерские войска (27 июня Венгрия объявила войну СССР). Части противника развернули наступление

⁶⁸ Там же, л. 165–167.

⁶⁹ Там же, л. 2.

⁷⁰ Великая Отечественная война, кн. 1, с. 159.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 24, л. 8.

на луцко-ровенском направлении. Советские части начали быстрый отход за р. Днестр и к середине июля вышли на рубеж Житомир, Бердичев, Каменец – Подольский и Могилёв – Подольский.

30 июня Кирпонос получил приказ из Ставки к 9 июля отвести войска на линию укреплений на старой границе СССР. Войскам фронта предстояло проделать 200-километровый марш по забитым беженцами дорогам, отбивая атаки наседающего противника. Однако и на новых позициях остановить противника не удалось. После тяжелейшего двухдневного боя с частями 5-й армии и группой полковника Бланка, танковая группа Клейста прорвала 7 июля Новоград-Волынский укрепрайон и 9 июля овладела Житомиром. Лишь 11 июля немецкие танки удалось остановить на подступах к киевскому укрепрайону, в чем огромную роль сыграли киевские ополченцы. Части 16-го и 15-го мехкорпусов сдерживали противника в районе Бердичева.

2 июля в наступление перешли 11-я немецкая, 3-я и 4-я румынские армии. Им предстояло захватить Молдавию, а в стратегическом плане при удачном стечении обстоятельств – создать угрозу охвата с обоих флангов соединений Юго-Западного фронта. Однако отсутствие мощных танковых сил (румыны имели всего 60 танков, а немцы в этом районе не имели их вообще) не позволило врагу добиться серьезных успехов. Удачно действовала против врага и Дунайская военная флотилия, а в прибрежной полосе оперативные соединения Черноморского флота. В результате контрудара трех корпусов 9-й армии Южного фронта 8 июля враг остановился и перешел к обороне.

В ходе приграничного сражения Юго-Западный фронт и 18-я армия Южного фронта потеряли 241 594 человека, в том числе 172 323 безвозвратно⁷², 4381 танк, 5806 орудий и минометов, 1218 боевых самолетов⁷³.

* * *

В общей сложности в Приграничных сражениях приняли участие 170 советских дивизий, из которых 28 были полностью уничтожены. Потери трех фронтов (Западного, Северо-Западного и Юго-Западного) составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов⁷⁴. Были потеряны Литва, Латвия, почти вся Белоруссия, значительная часть Молдавии, Украины и Эстонии. Около 23 млн. советских граждан осталось на оккупированной территории.

Оценочные потери врага к 10 июля составили 79 058 человек, 1061 орудий и минометов, 826 самолетов и 350 танков, однако немцы смогли быстро восполнить их. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой⁷⁵.

Хотя советские войска понесли тяжелое поражение, июнь 1941-го года явил миру немало примеров подлинного героизма и самопожертвования советских солдат. Подвиг гарнизонов Брестской крепости, Минска, Лиепай навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Своей борьбой войска приграничных округов позволили советскому верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных сил из внутренних районов СССР, которые, сходу вступая в бой с противником, продолжали замедлять темпы его продвижения вперед.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном – на 450–600 км, в юго-западном – на 300–350 км, захватили почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

Окончание следует

⁷² Великая Отечественная без грифа секретности, с. 80.

⁷³ Великая Отечественная война, кн. 1, с. 164.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Киселёв О.Г. Указ. соч., с. 445.